

-*kešk*, -*kund*, -*miez*^v auslautende und einige andere Komposita.

Unter verschiedenen Suffixen gibt es Beispiele zu Personen-, Tier- und Ortsnamen. Eine Besonderheit der Ortsnamen besteht darin, daß sich diesen das Prolativsuffix -*t'ši* anfügen kann, z. B. *heššu.t'ši*^v 'durch das Dorf *heššu*' (vgl. Nom. *heššu*).

Bei der Darbietung der vollständigen Verbparadigmen wurde eine große Anzahl von finiten und infiniten Formen einbezogen. Zum Beispiel sind zum Verb 'essen' über 70 verschiedene Flexionsformen gegeben: 1. Infinitiv *šüödä* 'essen', Inesiv des 2. Infinitivs *šüödeš*, Illativ des 3. Infinitivs *šüömäi*, Präsens Indikativ *šüö|n*, -*D*, -*u*, -*mme*, -*tte*, -*dau*, negiertes Präsens Indikativ *en*, *eD*, *ei* *šüö*, *emme*, *ette* *šüögüöi*, *ei* *šüödä*, Imperfekt Indikativ *šüöi|n*, -*D*, *šüöi*, -*mme*, -*tte*, *šüöd'i*, negierter Imperfekt Indikativ *en*, *eD*, *ei* *šüönü*, *emme*, *ette*, *ei* *šüödü*, Präsens Konditional *šüöi|zin*, -*ziD*, *šüöi|Z*, -*zimme*, -*zitte*, *šüö-*

däiZ^v, negierter Konditional im Präsens *en*, *eD*, *ei*, *emme*, *ette* *šüöiZ*, *hüö ei* *süödäiZ*^v, Perfekt Konditional *šüönü|zin*, -*ziD*^v, -*zimme*, -*zitte*, *šüödänüZ*^v, ^v negierter Konditional im Perfekt *en*, *eD*, *ei*, *emme*, *ette* *šüönüZ*^v, *ei* *šüödänüZ*^v, Präsens Potentialis *šüö|nen*, -*neD*, -*nöu*, -*nemme*, -*nette*, -*dänou*, negierter Potentialis im Präsens *en*, *eD*, *ei*, *emme*, *ette* *šüöne*, *hüö ei* *šüö-*

däne, 2. Pers. Sing. Imperativ *šüö*, 3. Pers. Sing. und Pl. *šüögäi*, 2. Pers. Pl. *šüögät*, 2. Pers. Sing. negierter Imperativ *ela* *šüö*, 3. Pers. *elgai* *hän* *šüögüöi*, 2. Pers. Pl. *elgat* *t'üö* *šüögüöi*, 3. Pers. *elgai* *hüö* *šüögüöi*. Aufmerksamkeit erregt, daß wie im Nachbargebiet, d.h. im Wepsischen und Olonetzischen die 3. Pers. Pl. in Wirklichkeit eine passivische Form ist (Einfluß der russischen Sprache). Die Verbal-suffixe sind auf der Basis des 1. Infinitivs in die *da-*, *dä-* sowie *ta-*, *tä-*-Gruppe eingeteilt worden (insgesamt sind in der detaillierten Einteilung über 50 Suffixe aufgeführt). Eine eigenwillige Gruppierung bilden die Inchoative *gata-*, *skata-*, *skadou-*. Manche *ta-*, *tä-*-Verben haben bei der Konjugation den ursprünglichen Konsonantstamm bewahrt, z. B. *kiättä* 'biegen; beugen, deklinieren' (vgl. *käättä* in finnischen Dialekten und in der alten Schriftsprache), *kiät'au* 'sie beugen, man beugt', *kiät't'i* 'sie beugten, man beugte', *letta* 'fliegen', *on lettu* 'es wurde geflogen' u.a. Eingeteilt nach den Suffixen enthält das Kapitel zu den Verben Beispiele zu weit über Tausend Verben. Es gibt wertvolle Hinweise auf russische Entsprechungen, die von dem finnischen Slawisten I. Vahros überprüft worden sind.

Auf den letzten vier Seiten des Buches sind Fotos der Sprachinformanten Huotarinen und aus ihrem Heimatdorf Haljärvi abgebildet. Die Grammatik der Sprache dieses Gebiets hat in Gestalt der Forschung von P. Virtaranta ein bleibendes Denkmal erhalten.

PAUL ALVRE (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1987.4.10>

Ф. И. Гордеев, Историческое развитие лексики марийского языка, Йошкар-Ола 1985. 144 с.

Ф. И. Гордеев в рецензируемой книге ставит целью рассмотреть ряд важнейших вопросов развития лексики марийского языка. Он анализирует роль финно-угорских элементов в формировании марийской лексики, определяет место марийского языка среди близкородственных финно-угорских языков, рассматривает влияние неродственных языков на развитие марийской лексики.

В первой главе автор трактует воп-

росы методологического порядка, рассматривает те области, исследование которых может послужить истоком для дальнейшего обогащения древнейшего пласта лексики марийского языка. Таковы диалектные материалы, рукописные источники, географические названия, антропонимика, подражательные слова, междометия, «неприличная» лексика, жаргонные слова, слова детской речи, названия детских игр. Что касается использования

диалектных материалов, старых рукописных источников и т. д. в этимологических исследованиях, можно согласиться с Ф. И. Гордеевым. Однако такие сопоставления подражательного характера, как марГ *a-a-a*, марЛ *o-o-o* — припев колыбельной песни, удм. *e-e-e*, эст. *ä: ejä* то же (с. 21), не имело смысла привлекать. В категории междометия от случайных созвучий типа мар. *ло-ло-ло* — подзывное слово для лошадей (с. 25), венг. *ló* 'лошадь' целесообразно отказаться и в будущем. То же можно сказать о словах детской речи.

Во второй главе автор пытается определить место марийского языка в кругу близкородственных языков. На с. 36 он отмечает: вслед за Г. Берецки... Л. П. Грузов... пишет, что после ухода прибалтийско-финского населения на северо-запад какое-то время марийско-мордовская общность сохраняла свое единство. В цитированном месте у Л. П. Грузова ссылка на Г. Берецки отсутствует, да она и не нужна, ведь реферировано широко принятое в то время мнение. Там же Ф. И. Гордеев цитирует книгу К. Хякинена, вышедшую в 1980 г., в которой утверждается, как он пишет, что марийско-мордовского или волжского праязыка вообще не было. Следует отметить, что Сетяля на полвека раньше установил это (см. E. N. Setälä, *Suomen suku I*, Helsinki 1926, с. 182). Ф. И. Гордеев продолжает: позднее Г. Берецки присоединился, как и его венгерские коллеги, к предположению, что предки мордвы продолжали жить еще значительное время с предками нынешних прибалтийско-финских народов, после того как прамарийская народность отделилась от них. Здесь он цитирует дословно (см. Г. Берецки, *Существовала ли праволжская общность финно-угров?* — *ALHung.* 24 1974, с. 84). Однако это мнение было сформулировано рецензентом впервые в учебнике по марийскому языку (G. Bereczki, *Cse-gemisiz (mari) nyelvkönyv*, Budapest 1971, с. 5).

В работе рассматривается вопрос, существуют ли общие черты на уровне фонетики, морфологии и лексики между мордовскими и марийскими языками, позволяющие предположить волжскую общность. Автор приходит к негативному результату, однако короткая на полстра-

ницы мордовская сказка недостаточна в качестве убедительных статистических данных.

Несмотря на начавшийся распад, — пишет Гордеев, — волжско-пермское языковое единство как прямое продолжение финно-волжско-пермской общности все же сохранялось вплоть до конца I тыс. до н. э. По его мнению, таким образом объясняется факт, что азелинцы (предки современных удмуртов), проникшие в первые века н. э. в марийскую среду, не оставили никаких следов ни в лексике, ни в морфологии, ни в фонетике марийского языка (с. 57). Если Гордеев прав, волжские и пермские языки должны различаться лишь немногим больше, чем современные прибалтийско-финские различаются между собой. Здесь не учитываются многочисленные лексические заимствования, которые проникли в марийский язык из древнепермского.

Точка зрения Гордеева отличается от существующих в настоящее время взглядов на разветвление финно-пермских языков. Он отрицает, например, существование прибалтийско-финско-волжской общности, что ведь можно обосновать многими общими лексическими данными и морфологическими чертами прибалтийско-финских и волжских языков. Без фундаментального доказательства трудно принять его положение.

Трактую общие и специфические моменты волжско-пермских языков (с. 60—61), Гордеев не совсем верно передает точку зрения рецензента на близость марийского языка к пермскими и мордовскими, опираясь на статистические данные последнего. Рецензент решительно подчеркивает, что марийский язык стоит ближе к мордовским и многочисленные марийско-пермские лексические соответствия появились вследствие вторичных соприкосновений (см. Г. Берецки, *Взаимоотношения марийской лексики с лексикой мордовских и пермских языков.* — *CIFU I* 203).

Далее автор подвергает сомнению тот факт, что многочисленные лексические и морфологические соответствия между мордовскими и прибалтийско-финскими языками объясняются тем, что предки мордвы жили дольше в контактах с предками прибалтийских финнов, чем древние марийцы (с. 62). Он пытается связать это

со степенью изученности упомянутых языков. Однако лексика марийского языка, благодаря многочисленным словарям, известна значительно лучше, чем мордовская лексика. Несмотря на это, находим лишь около 30 марийских слов, общих с прибалтийско-финскими языками (отсутствующих в мордовских). Мордовские же языки имеют около 120 общих с прибалтийско-финскими языками слов, т. е. примерно в 4 раза больше. Надо отметить, что число финно-угорских элементов в лексике марийского и мордовских языков одинаково — примерно 500. Что касается морфологии, падежные окончания мордовского элатива, транслатива, компаратива имеют соответствия в прибалтийско-финских языках, которые в марийском отсутствуют. Эти давно известные факты не связаны со степенью изученности.

Автор напрасно пытается опровергнуть, что в случае мордЭ *ež andok* 'он не кормил'; эстЮ *es anna* < **es annak* 'он не дал' употребление суффикса презенса не специфично для мордовских и прибалтийско-финских языков (с. 62). Правда, при отрицании суффикс *k* употребляется и в марийском и в пермских языках, но всегда в отрицательных глаголах и никогда в конце отрицаемого глагола.

Относительно мордовской формы *ila kunda* 'не лови' и аналогичной фин. *älä tule* 'не приходи' автор стремится доказать (с. 63), что морд. *i-* и фин. *ä-* одинаково восходят к уральскому отрицательному глаголу **e*, т. е. это явление не может служить доказательством близости мордовских и прибалтийско-финских языков. Здесь на близость мордовских и прибалтийско-финских языков указывает не отрицательный глагол, ведь он встречается во всех финно-угорских языках, за исключением венгерского, а суффикс *l*.

В книге показатель марийского кондиционалиса *-pesə* сопоставляется с показателем мордовского опатива *-ksə* (с. 62). С фонетической точки зрения сопоставление не приемлемо. Марийский показатель возводится к праформе **kese*, но *s* в марийском языке не переходит в аффрикату. Современный *s* может быть только продолжением прапар. **ś*. Следует отметить, что мордовский показатель *ks* нельзя сопоставлять с признаком условного наклонения *ks* в эстонском, водском и ливском языках, как вслед за Аристэ делал это и

рецензент (см. Г. Березки, Существовала ли праволжская общность финно-угров?, с. 84). М. Корхонен убедительно доказал (см. M. Korhonen, Johdatus lapin kielen historiaan, Helsinki 1981, с. 253—254), что признак условного наклонения вышеупомянутых прибалтийско-финских языков восходит к прежнему *ks*. Признак финского условного наклонения *-isi*, который Гордеев упоминает наряду с эст. *ks*, имеет иное происхождение (см. там же).

В конце второй главы (с. 67—69) автор, ссылаясь на сходные компоненты духовной культуры, фольклора и т. д. родственных народов, в качестве примера приводит эрзя-мордовскую сказку «Пустачей» и марийскую сказку «Сова и лиса». Пример не удачен: сказки известны под типом AaTh 56 и встречаются у русских, шведов, испанцев, турков и т. д. У венгров их имеется шесть вариантов.

Последняя глава посвящена процессам взаимодействия финно-волжско-пермских племен с индоиранцами, иранцами и поздними сарматами. Выяснение этих проблем — одна из важнейших задач финно-угорского языкознания, однако все ли затронутые вопросы целесообразно было рассматривать в данной работе? Трактуются, например, иранские заимствования мордовских и пермских языков, отсутствующие в марийском. Мар. *шур'por'* (фин. *sarvi*, венг. *szaru*) в марийском языке является не индоевропеизмом, а таким же финно-угорским наследием, как *кид* 'рука'. Индоиранизмом это слово было на уровне финно-угорского праязыка.

Следует положительно оценить стремление автора установить хронологический порядок в области иранских заимствований разного типа, но иногда он произвольно относится к фонетическим соответствиям, реконструированными формами манипулирует в желаемом направлении, не учитывает в достаточной мере семантические расхождения. Приведу два примера. В рукописных марийских словарях XVIII—XIX вв. встречается ныне уже не известное слово *лумуж*, *лумзо* 'соболь' (с. 8). Гордеев реконструирует общемарийскую форму **лумозо* (**лумузо*). По его мнению, наименование зверька образовалось путем контаминации двух самостоятельных лексем: 1. мар. *лум* 'снег'

(фин. *lumí*); **озо* (**узо*) 'хищный зверек с пушистым мехом' (эст. *nugis*, удм. *низь* и т. д. 'куница' < ур. *ñukše* 'соболь'). Предполагается словосложение. Окончания марийских форм объяснимы и как суффиксы. Аналогичные случаи: Беке РВ ВJр. МК *kurnuž* 'ворон' (фин. *kaarne*); Беке JT *küwülzo* 'самка глухаря' (фин. *koppelo*). В наименованиях животных более характерны для марийского языка суффиксальные образования, а не словосложения. Слово **озо* в марийском языке не существует, сопоставление его с ур. *ñukše* невозможно. Перед велярным согласным продолжение ур. **ñ* в марийском языке *n*, а звукосочетание *kš* в корне переходит в *kš*, но никогда в *z*. Связь наименования темнокоричневого зверька со словом, обозначающим снег, семантически не обоснована.

МарГ *ембыл* 'рубанок' я сопоставил с мордЭ *эмбыль* 'фуганок' (см. Г. Березки, Существовала ли праволжская общность финно-угров?, с. 81). По мнению Гордеева (с. 59), эти слова происходят из рус. *джембель* '(в языке уральских русских) плетеная корзина', которое восходит к кирг. *джембель* 'сумка', *дзембил*, *зембил* 'носилки для переноски тяжестей'. Семантический сдвиг, по мнению автора, был следующим: 'носилки для переноски тяжестей' → 'корзина' → 'сумка' → 'рубанок'. Рус. *дж* никак нельзя объяснить начальные звуки волжских лексем, еще сложнее обстоит дело с семантической стороной. Предположение такого рода семантических сдвигов — без приведения аналогичных примеров — не доказательно.

В книге есть целый ряд необудительных этимологий. При трактовке иранизмов (с. 94) Гордеев ошибочно реконструирует коми *морт*, удм. *мурт* 'человек' в форме **морт*; правильная форма — **морт* (см. КЭСК 174—175). Гласный *o* восходит к прежнему палатальному гласному и таким образом пермские слова полностью соответствуют мордЭ *мирде* 'супруг', но сравнивать их с этнонимом *марий* нельзя. МарЛ *оржа*, марГ *аржа* 'грива' не сопоставимо с коми *бурьсь* и иран. *barša*. В марийском языке в этом случае начальным согласным был бы *p*, который никогда не исчезает, в крайнем случае переходит в *w*.

Рассматривая позднесарматские заимствования, автор объясняет мар. *апшат* (*ансат*), *әншӱт* 'кузнец' из осет. *āncāйнаг*, *āfcāн* 'железо' (с. 99). Не исключено, что упомянутые слова в конечном счете связаны, но это следует доказать. Гордеев реконструирует общемар. **āncāt*. В случаях чередования марЛ *a* ~ марГ *ä* он всегда исходит из общемар. **ä*. Беке считает, что вариант *a* является более древним (Ö. Beke, Cseremisiz nyelvtan, Budapest 1911, с. 33). Ряснян на основе чувашских заимствований марийского языка пришел к тому же выводу (см. М. Räsänen, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen, Helsinki 1920 (MSFOu XLVIII), с. 75), который подтверждают и татарские заимствования (см. М. Räsänen, Die tatarischen lehnwörter im tscheremissischen, Helsinki 1922 (MSFOu L), с. 14). А. Рона-Таш, исходя из среднемонгольских заимствований чувашского языка, которые оттуда попали в марийский, пришел к выводу, что переход марГ *a* > *ä* — сравнительно новое явление, не старше XIII в. (см. Néprajz és Nyelvtudomány 17—18 : 136). МарЛ *час* ~ марГ *чӱш* ~ рус. *час* и другие русские заимствования подтверждают то же.

МарЛ *возаш*, *возьаш* ~ марГ *вазаш* 'писать' (с. 100) не может восходить к общемар. **вазь*. Согласные *z*, *ž* могли развиваться только из *ć*, древнемар. *ć* нельзя объяснить на основе осет. *fysyp* 'писать', как полагает автор.

Мар. *ваче* 'плечо' (с. 9, 100), по мнению Гордеева, развилось из общемар. **ваца* и связано с осет. *базыг*, *базуг* 'рука выше локтя; плечевая кость'. На основе марийских диалектных данных, например (Ö. Beke, указ. раб.) В ВJ М *вацѣ*, можно реконструировать внутри слова только общемар. *č*. Марийское слово нельзя отделить от коми *воџ-лӧ* 'ключица' (*лӧ* 'кость') (см. G. Berëczki, Etimológiai megjegyzések. — NyK 66, с. 387); оно является пермским заимствованием.

Мар. *ошма*, *осьма* 'песок' (с. 100) Гордеев произвольно возводит к общемар. **āsmā*. Мар. *o* мог развиваться только из гласного заднего ряда и поэтому связь марийского слова с осет. *āzmeta* 'песок' невероятна.

В мар. *чоло* 'около (чего-л.), приблизительно' (с. 101) трудно предположить

суффикс *-ло*. Сопоставление предполагаемого марийского корня *чо-* с осет. *сис* 'малый (по количеству)' сомнительно и с семантической точки зрения. Марийское слово является заимствованием, ср. чув. (Ашм.), вир. *чол*, *чоллӓ* 'около, приблизительно'. Чувашское слово восходит к старому **чохлӓ*, что исключает возможность заимствования в обратном направлении.

В работе иногда не упоминаются мнения, отличающиеся от точки зрения автора, например, этимологию мар. *рвезе* 'ребенок, парень, юноша' SKES (с. 438) объясняет иначе (с. 100). В связи с этимологией мар. *йштӧ* 'пояс' (с. 111) Гордеев отмечает, что трудно доказуемо сопоставление мар. *йштӧ* с коми *вӧн*, фин. *вуо*, венг. *öv* то же, приписывая его Г. Берецки. Принадлежит же это сопоставление Буденцу и под вопросом его принимают как MSzFE (с. 520—521), так и SKES (с. 1829—1830). Гордеев на основе мар. *йштӧ*, мар. *йштӧ* реконструирует общемар. **just-*, что не может соответствовать действительности. В марийском языке *j* никогда не исчезает перед *и*, перед *й* в большинстве говоров тоже сохраняется. Таким образом, литов. *juosta* 'пояс' вопре-

ки большому сходству нельзя связать с мар. *йштӧ*.

В конце третьей главы пересматриваются балтийские заимствования — по терминологии автора — волжско-пермских языков. Что касается пермских языков, до сих пор в них балтийские заимствования не выявлены. Предлагаемые автором этимологии, на мой взгляд, не приемлемы, так что прежняя точка зрения остается в силе.

В заключении 28 строк посвящено тюркскому лексическому пласту марийского языка и чуть больше страницы русским заимствованиям — это нарушение пропорции. Число достоверных иранских заимствований, которые попали в марийский язык во время его самостоятельного развития, около 15, число тюркских заимствований примерно в 150 раз больше. Неоспорим факт, что на разных этапах истории финно-угорских языков различные языки иранского типа играли значительную роль, но судя по малочисленности заимствований, в самостоятельной жизни марийского языка дело обстояло иначе.

ГАБОР БЕРЕЦКИ (Удине)

И. С. Галкин, *Марий исторический лексикологий. Тунемме книга, Йошкар-Ола 1986. 72 с.*

И. С. Галкиным опубликован целый ряд работ, но при всем разнообразии своего творчества он остается историком языка. В предлагаемой рецензии речь пойдет о новой работе исследователя — учебном пособии по лексикологии, адресованном в первую очередь студентам Марийского государственного университета.

Книга включает следующие разделы: введение (с. 2—23), членение марийской лексики на различные исторические пласты (с. 23—36), заимствованная из других языков лексика (с. 36—66), особенности развития современной марийской лексики (с. 66—68).

Во введении, помимо постановки вопроса, рассматриваются основные источники исследования марийской исторической лексикологии: 1) современный марийский язык и его диалекты; 2) письменные памятники; 3) данные родственных языков;

4) заимствованные слова; 5) условно-профессиональная лексика (арго) и другие марийские языковые приобретения; 6) детский язык; 7) ономастика. В качестве первого письменного памятника марийского языка отмечается книга Н. Витзена, где, впрочем, сказано, что мордовский и марийский языки так сходны, что разницу между ними можно сравнить с разницей между верхненемецкими и нижненемецкими диалектами (с. 6—7). Приводятся полезные данные о первой грамматике марийского языка (1775), о некоторых рукописных и опубликованных словарях, оставивших глубокий след не только в истории марийского, но и многих других языков народов Поволжья и Перми (Словарь Дамаскина, записки Палласа и некоторые другие). Не лишены интереса сведения о книгах религиозного направления, а также двуязычных словарях.